

**ДОКАЗАТЕЛЬСТВА
СУЩЕСТВОВАНИЯ
ЖИЗНИ ПОСЛЕ
СМЕРТИ**

Доказательства существования жизни после смерти

«Новая мысль»

2004

Доказательства существования жизни после смерти / «Новая мысль», 2004

Какими бы удивительными ни показались читателю рассуждения и невероятными факты, изложенные в данной книге, мы надеемся, что именно их соединение в единое целое приведет всякого непредубежденного человека к внутреннему сознанию существования духовного мира, поможет ощутить реальность бессмертия души и задуматься о земной жизни, смыслом которой является переход души в вечность. Издание рассчитано на массового читателя. Рекомендовано к публикации Издательским Советом Русской Православной Церкви ИС 13-307-1536

, 2004

© Новая мысль, 2004

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	8
Думает ли наш мозг?	8
Удивительные рассуждения о мозге	12
Зависят ли психические явления от физических?	15
Главный вопрос мировоззрения	18
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Составитель Алексей Фомин

Доказательства существования жизни после смерти

Предисловие

«У каждого из нас есть неоспоримое представление, что общая сумма его собственных переживаний и воспоминаний образует некоторую единицу, ясно отличающуюся от такой же единицы любого другого человека. Он ссылается на нее, как на свое «я». Что же такое это «я»?

Если вы будете пристально анализировать это «я», то, я думаю, вы придете к заключению, что оно представляет собой все же нечто большее, чем простой набор отдельных восприятий и воспоминаний, и служит именно той канвой, на которой они накапливаются. При внимательном самонаблюдении вы неминуемо придете к выводу, что то, что вы реально принимали за «я», – это и есть основа, на которой собираются все эти переживания. Вы можете уехать в другую страну, перестать видеть всех своих друзей, можете почти забыть их; вы приобретете новых друзей, будете интенсивно участвовать в общей жизни с ними, как когда-то со старыми. Все менее и менее важным будет для вас то, что вы, живя новой жизнью, продолжаете еще вспоминать старую. Вы, может быть, скажете о своем прошлом в третьем лице: «юноша, которым я был». Герой читаемого вами романа может стать ближе вашему сердцу и значительно более живым и знакомым, чем этот юноша. Однако здесь не было промежуточного перелома, не было смерти. И даже если искусный гипнотизер сумеет совсем вычеркнуть из вашего сознания все ваши ранние воспоминания, то и тогда вы не будете считать, что он убил вас. Ни в каком случае здесь нет потери личного существования, которую надо оплакивать. И никогда не будет!» – писал в своей книге «Основана ли жизнь на законах физики?» лауреат Нобелевской премии по физике, основоположник квантовой теории, профессор Дублинского исследовательского института Эрвин Шредингер.

Мы разделяем мир на видимый и невидимый, или, как более понятно для нас, на материальный и духовный. В нашем материальном мире много невидимого. Невидим воздух, невидим звук, невидим магнетизм, электрический заряд и т. д. Среди так называемых электромагнитных волн лишь очень небольшая часть принадлежит видимому спектру. Но вот, например, ультрафиолетовые лучи невидимы, а мы можем заметить их на фотобумаге, которую они чернят. Невидимы радиоволны, но они улавливаются приемником. Невидимы рентгеновские лучи, но на флуоресцирующем экране они обнаруживаются.

Все вышеперечисленное обнаруживается и познается физическими или химическими средствами и относится нами к миру видимому.

Но, кроме него, есть иной мир, мир невидимый. Его Господь Бог создал прежде видимого мира. Это мир духов, или мир Ангелов.

Человек никакими физическими средствами, никаким способом принципиально не может обнаружить существование духа. Но тем не менее духи существуют, и они могут быть даже видимы человеком в том или ином виде по особому Божию промыслению, иногда и по воле этих духов, если Бог разрешит им явиться. Но и будучи невидимыми, они воздействуют на человека, наводя на него те или иные мысли, которые человек может принять или отвергнуть.

Мир, в котором мы существуем, конечен и несамостоятелен. В мире все ограничено, ничто в мире не может быть объяснено из самого себя. Законы природы ограничивают мир в его свободе. Более того, мир ограничен даже во времени и пространстве. Современная наука доказала, что мир имел начало во времени и что есть определенное время, более которого

мир не мог существовать. Расстояние между двумя любыми точками мира всегда конечно. Поэтому мир нуждается как в первопричине своего бытия, так и в силе, поддерживающей и сохраняющей его в бытии, – иными словами, нуждается в Творце и Промыслителе.

Православное учение о творении говорит, что Один Бог – нетварен и существует вечно, а все остальное было Им сотворено. «В начале сотворил Бог небо и землю» (Быт. 1, 1). «Им создано все, что на небесах и что на земле, видимое и невидимое» (Кол. 1, 16).

Сущность христианского учения о происхождении мира состоит в том, что Бог создал мир из ничего. Иначе говоря, произвел все существующее через творение. В строго богословском смысле творить означает создавать из ничего; давать существование тому, что раньше не существовало; или, как говорится в Литургии святителя Иоанна Златоуста: «приводить из небытия в бытие». Бог для сотворения мира не нуждался в исходном материале. Святитель Василий Великий пишет: «Бог, прежде чем существовало что-либо из видимого ныне, положил в уме и подвигся привести в бытие несущее, а вместе с тем Он помыслил и о том, каким должен быть мир, и произвел материю, соответственную форме мира». Таким образом, Бог является Творцом мира не только по форме, но и по веществу.

Согласно повествованию первой и второй глав книги Бытия, природа человека двусоставна. Сотворив тело человека, Бог «вдунул в лице его дыхание жизни» (Быт. 2, 7). По учению Церкви, душа и тело в человеке возникают одновременно, это справедливо и в отношении первого человека.

Таким образом, нетварная Божественная сила укоренена в самом акте сотворения человеческой природы, которая, по замыслу Творца, изначально заключает в себе Божественную благодать. Поэтому для человека естественно пребывать в облагодатствованном состоянии и, напротив, состояние безблагодатное противоестественно для человека.

Так что же такое душа?

Душа не есть что-то материальное, вещественное, видимое. Это совокупность всех наших чувств, мыслей, желаний, стремлений, порывов сердца, нашего разума, сознания, свободной воли, нашей совести, дара веры в Бога. Все это составляет душу человека. Она бессмертна – бессмертна по благодати и предопределению Божию. Душа – это бесценный дар Божий, полученный от Бога исключительно по любви Его к людям. Если бы человек и не знал из Священного Писания, что, кроме тела, он имеет еще душу, то при одном уже только внимательном отношении к себе и окружающему миру он мог бы понять, что присущие только ему разум, сознание, совесть, вера в Бога, все то, что отличает его от животного, составляет его душу.

Это его душа, которая Советом Божественной Мудрости живет и будет жить в нескончаемой вечности, если будет предана Богу.

Нередко в жизни наблюдается, что люди здоровые и обеспеченные не могут найти полного удовлетворения в жизни и, наоборот, люди, изможденные болезнями, полны благодушия и внутренней духовной радости. Эти наблюдения говорят нам о том, что, кроме тела, в каждом человеке есть душа. И душа и тело живут своими жизнями. Душа не независимое или самоуправляемое существо, но именно тварь, и даже своим бытием она обязана Богу, Творцу. Соответственно, она может быть бессмертной не по природе, т. е. сама по себе, но лишь по Божьей воле, т. е. по благодати.

Бессмертие души человеческой состоит в том, что она, после смерти тела, будет продолжать свое существование за гробом как существо личное, обладающее самосознанием, помнящее о прошлой жизни. Одним словом, загробная жизнь будет продолжением земной, только в другой форме и в других условиях, хотя и без утраты самосознания и личности – коренных основ бытия человека. Непрерывность и торжество личного бытия человека – вот его истинное бессмертие. Смерть не прерывает существования человека, а только видоизменяет его.

Главное назначение книги состоит в том, чтобы убедить читателя в той истине, что человек имеет душу как разумную, свободную, бессмертную, духовную сущность, наделенную такими дивными свойствами, что они ясно и неотразимо свидетельствуют о ее богоподобии.

Конечно, это не доказательства в строгом смысле этого слова, но это то, что заменяет их в известной степени, или, во всяком случае, это то, что приводит всякого непредубежденного человека к внутреннему сознанию необходимости бытия Божия и духовного мира вообще.

Цель настоящей книги – противодействовать злему духу нашего времени, который проповедует безбожие, грубый материализм и бесчестие.

Если по прочтении этой книги читатель приобретет живое, глубокое, сердечное убеждение в бытии духовного мира, если, благодаря нашей книге, он придет к более истинному, более радостному воззрению на мир и жизнь человека, которая вся проходит под воздействием божественного Промысла, если он из нашей книги почерпнет иное направление, вносящее в сферу мышления свет истинного знания, в сердце – мир и радость при представлении будущей посмертной жизни человека во свете блаженства со Христом, направление, согласное с учением Православной Церкви и таким образом прямо противоположное губительному и разрушительному духу нашего времени – то мы достигнем намеченной цели.

Глава 1

Несколько естественнонаучных фактов и соображений

Думает ли наш мозг?

*Слыхал я истину бывалу,
Что лоб широк, да мозгу мало...*

А.С. Пушкин

Выражение «мысли витают в воздухе» мы привыкли считать метафорой. Но в последнее время стали появляться сообщения, что мысль действительно способна существовать вне нашего тела. Посмотрим, что по этому поводу говорит наука.

Мы живем в скафандре

Согласно широко распространенной гипотезе, мозг и есть, по сути, homo sapiens. Он воспринимает информацию из окружающего мира, перерабатывает ее и решает, как действовать в каждом конкретном случае. А тело – не более чем скафандр, обеспечивающий центральную нервную систему. Так, «пламенный мотор» – сердце – доставляет током крови необходимый для нашего биокомпьютера живительный кислород, желудок – питательные вещества, руки и ноги необходимы для добывания и приготовления пищи. Кожа предохраняет внутренние органы от внешних воздействий. Мозг руководит всеми этими процессами, прилагая немалые усилия, чтобы организм функционировал эффективно. Кроме того, он постоянно просчитывает возможные варианты в последовательности событий и способы реагирования на них.

Предполагается, что отвечает за всю эту сложную работу не кора головного мозга, а так называемая подкорка.

Вероятно, здесь происходят химические реакции и информационно-энергетический обмен между нервными клетками. Окончательный результат этого сложного процесса поступает в кору головного мозга в виде зрительных образов – мыслей.

Таким образом, головной мозг, имеющий форму сплющенного яйца и весящий в среднем около 1400 г, является точным координатором и механизмом управления организмом. Возможности его огромны. По мнению отдельных исследователей, центр человеческого ума может хранить в своей памяти столько же информации, сколько включает в себя два миллиона книг среднего размера. Другие специалисты считают, что там может храниться до 15 триллионов (число с 12 нулями) отдельных данных.

Вот лишь несколько показательных примеров феноменальной возможности памяти. Персидский царь Кир знал по имени всех солдат своего довольно крупного войска, а греческий деятель Фемистокл – каждого из двадцати тысяч жителей Афин! Неаполитанец Арлини мог без остановки прочитать 15350 стихов из Данте. Известный французский политический деятель Л.М. Гамбетта по памяти читал все произведения Виктора Гюго, в том числе и в обратном порядке.

А вот еще любопытные факты. Академик А. Иоффе пользовался таблицей логарифмов по памяти. Пианист и композитор С. Рахманинов мог один только раз прослушать любой фортепьянный концерт, чтобы сыграть его потом так, будто он тщательно готовился к его испол-

нению. Французскому художнику Гюставу Доре однажды заказали копию фотографии одного из альпийских лугов. Доре ушел, забыв ее у заказчика. Но на другой день он принес готовый рисунок – точную копию, сделанную по памяти.

Человеческий мозг растет до 15 лет и наиболее эффективно функционирует в возрасте от 15 до 25 лет. Обычно до 45 лет работа его остается на прежнем уровне, а затем начинает ослабевать. Подсчитано, что мозг содержит три четверти нервных клеток всего организма человека. В начале жизненного пути *homo sapiens*'а его капитал составляет 14 миллиардов нервных клеток, а к старости только 10 миллиардов. К сожалению, все имеет свое начало и конец.

Для чего нужен мозг?

Однако есть ученые, считающие, что наш мозг не способен мыслить, так как психический процесс вынесен за его пределы. В этом, например, был убежден крупнейший ученый-хирург, доктор медицинских наук, профессор, лауреат Сталинской премии I степени и одновременно архиепископ Симферопольский и Крымский Лука (В.Ф. Войно-Ясенецкий, канонизирован в 1996 году). Свои мысли по данному вопросу Валентин Феликсович изложил в работе, не предназначенной для печати, – «О духе, душе и теле». Он надиктовал ее своей секретарше, так как к тому времени уже полностью потерял зрение. Женщина сняла с рукописи несколько копий, и одна из них попала в рукописный отдел библиотеки Музея истории религии и атеизма в Ленинграде. Но широкая общественность познакомилась с работой В.Ф. Войно-Ясенецкого только спустя почти двадцать лет после его смерти. Умер он 11 июня 1961 года. В нарушение всех норм авторского права его работа была издана за рубежом. В 1978 году в Брюсселе на прилавках магазинов появилась книга под названием «Дух, душа, тело», автором которой был архиепископ Лука.

В этой книге Валентин Феликсович утверждает, что «мозг не орган мысли, чувств, сознания, но он то, что приковывает сознание, чувства, мысли к действительности жизни», что «Дух выступает за пределы мозга, определяя его деятельность и все наше бытие», когда мозг работает как коммутатор, принимая сигналы и передавая их к «абонентам».

К слову, однажды, как свидетельствует молва, отец всех народов Иосиф Виссарионович Сталин вызвал к себе В.Ф. Войно-Ясенецкого и с издевкой спросил:

– Неужели знаменитый врач верит в существование души?

– Верю, – ответил хирург.

– Диктатор вновь язвительно «уколот» собеседника:

– Вы нашли ее в теле человека во время многочисленных операций?

– Нет, – заметил ученый.

– Так как же можно верить, что душа существует?

– Иосиф Виссарионович, а можно задать вам встречный вопрос? – спросил архиепископ

Лука.

– Конечно.

– Верите ли вы, что у человека есть совесть?

Сталин некоторое время молчал, а затем изрек:

– Верю.

– Скажу с предельной откровенностью, в телах оперируемых больных я совести тоже не обнаружил.

Подобную точку зрения, что и архиепископ Лука, высказал позже выдающийся австралийский нейрофизиолог, исследовавший ионные механизмы возбуждения и торможения в мембранах нейронов, лауреат Нобелевской премии Эклс Джон Кэрью. По его мнению, существует дух, «витающий» вне мозгового субстрата и управляющий деятельностью мозга человека. На XVI Всемирном философском конгрессе, который проходил в 1978 году в Дюссель-

дорфе и собрал более полутора тысяч ученых из шестидесяти стран мира, чтобы обсудить взаимосвязь философии с мировоззренческими вопросами современной науки, он выступил с докладом. В своем выступлении он развил идеи своего кумира, английского невролога Чарльза Скотта Шеррингтона, о том, что механизмы деятельности мозга приводит в действие некий «психический принцип», который находится вне человека. Любопытно, что такое заключение Шеррингтона старейшина мировой физиологии академик Иван Петрович Павлов назвал «чрезвычайно странным». Он поражался, как «невролог, всю жизнь проевший зубы на этом деле... не уверен, имеет ли мозг какое-нибудь отношение к уму». Ивана Петровича особо удивило сомнение английского ученого в необходимости познать тайну мозга и страх, что возникновение в них может привести к гибели homo sapiens'a.

По глубокому убеждению Эклса, сознание есть абстракция, которая не может быть предметом научного исследования. Появление его, также как и возникновение жизни, является высшей религиозной тайной. В своем докладе нобелевский лауреат опирался на написанную совместно с американским философом-социологом Карлом Поппером книгу «Личность и мозг».

Возникает вопрос: имеются ли какие-либо доказательства того, что тело человека, лишенное головного мозга, действовало разумно, будучи управляемым душой? Оказывается, они есть!

В 1940 году доктор Августин Итуррича сделал сенсационное заявление в Антропологическом обществе в Сукре (Боливия). Он и доктор Ортиз долго изучали историю болезни четырнадцатилетнего мальчика, пациента из клиники доктора Ортиза. Подросток находился там с диагнозом опухоль мозга. Юноша пребывал в полном рассудке и сохранял сознание до самой кончины, жаловался только на головную боль. Когда патологоанатомы произвели вскрытие, оказалось, что мозговая масса полностью отделена от внутренней полости черепной коробки. Большой нарыв захватил мозжечок и часть головного мозга. Врачи были изумлены: чем же думал мальчик?

Немецкий исследователь Хуфланд столкнулся с еще более невероятным фактом. Он вскрыл черепную коробку человека, которого разбил паралич. И в буквальном смысле слова потерял дар речи. Вместо мозга он обнаружил там 11 унций (29,8 г) воды! Между тем, больной до самой своей кончины сохранял все умственные и физические способности.

Наконец, гипотезу о том, что сознание существует независимо от мозга, подтверждают и исследования, проведенные недавно голландскими физиологами под руководством Пима ван Ломмеля. Результаты широкомасштабного эксперимента были опубликованы в авторитетнейшем английском журнале «The Lancet». Вердикт ученых граничит с фантастикой: они утверждают, что имеют неопровержимые доказательства, что сознание существует даже после того, как мозг перестал функционировать. Иными словами, сознание «живет» само по себе, абсолютно самостоятельно. Что же касается головного мозга, то это вовсе не мыслящая материя, а орган, как и любой другой, выполняющий строго определенные функции. Очень может быть, мыслящей материи, даже в принципе, не существует, заявил ван Ломмель.

К таким же выводам, но несколько раньше, пришли английские исследователи Питер Фенвик из Лондонского института психиатрии и Сэм Парния из Центральной клиники Саутгемптона. Они обследовали пациентов, возвратившихся к жизни после остановок сердца, и установили, что некоторые из них точно пересказывали содержание разговоров, которые вел медицинский персонал, пока те пребывали в состоянии клинической смерти. Другие давали точное описание произошедших в этот временной отрезок событий.

Сэм Парния утверждает, что мозг, как любой другой орган человеческого тела, состоит из клеток и не способен мыслить. Однако он может работать как устройство, обнаруживающее мысли. Во время клинической смерти действующее независимо от головного мозга сознание

использует его как экран, как телеприемник, который вначале принимает попадающие в него волны, а затем преобразует их в звук и изображение.

А.В. Потапов, кандидат педагогических наук, ст. научный сотрудник Военно-медицинского музея Министерства обороны РФ

Удивительные рассуждения о мозге

Удивительные и совершенно новые суждения о мозге, кумире интеллектуалистов, высказывал Бергсон¹. Он полагал, что разница между спинным мозгом, рефлекторно реагирующим на получаемые импульсы, и головным мозгом – только в сложности, а не в характере функций. В головном мозге регистрируется восприятие, пришедшее извне, и выбирается подходящий способ ответной реакции. «Мозг, – говорит Бергсон, – не что иное, как нечто вроде центральной телефонной станции: его роль сводится к выдаче сообщения или к выяснению его». Он ничего не прибавляет к тому, что получает. Все органы восприятия посылают к нему нервные волокна; в нем помещается моторная система, и он представляет собою центр, в котором периферическое раздражение вступает в сношение с тем или иным моторным механизмом.

Уже самым своим строением мозг доказывает, что его функция есть превращение чужого раздражения в хорошо выбранную реакцию. Аfferентные нервные волокна, приносящие чувственные раздражения, оканчиваются в клетках сенсорной зоны мозговой коры, а те другими волокнами соединяются с клетками моторной зоны, которым передается раздражение. При бесчисленном множестве таких соединений мозг имеет возможность бесконечно видоизменять реакции, отвечающие на внешнее раздражение, и действует как своего рода коммутатор.

Нервная система, и в особенности мозг, – не аппарат чистого представления и познания, а лишь инструменты, предназначенные к действию.

«Мозг – не орган мысли, чувств, сознания, но он то, что приковывает сознание, чувства, мысли к действительной жизни, заставляет их прислушиваться к действительным нуждам и делает их способными к полезному действию». Мозг, собственно, – орган внимания к жизни, приурочения к действительности (Душа и тело. Ты и жизнь. 1921, 20 декабря).

Как это ни поразительно, но эти ошеломляющие мысли великого метафизика почти полностью совпадают с новым учением о высшей нервной деятельности, созданным нашим гениальным физиологом Иваном Петровичем Павловым. Даже больше: мы вправе сказать, что незадолго до Павлова Анри Бергсон чисто философским мышлением предвосхитил сущность физиологического учения Павлова, построенного экспериментальным путем по методу изучения условных рефлексов головного мозга.

Для обоснования этого положения я должен привести несколько выдержек из книги Павлова «Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности животных», но прежде необходимо объяснить, что такое условные рефлексы и что называет Павлов анализаторами. У каждого животного есть множество врожденных постоянных рефлексов, которые Павлов называет безусловными. Так, например, животное немедленно бросается на пищу, которую увидит, отдергивает ногу при раздражении ее, улитка втягивается в свою раковину при прикосновении к ней, новорожденное дитя делает сосательное движение при прикосновении к груди матери. Но наряду с этими безусловными рефлексами у высших животных (именно – у собак, на которых экспериментировал Павлов) также можно искусственно выработать новые рефлексы, которые ученый называет условными (можно также назвать их временными или приобретенными). Так, например, если за короткое время до дачи пищи собака будет в течение ряда экспериментов получать одно и то же условное раздражение в виде звука определенной высоты, светового сигнала или почесывания кожи, то скоро это условное раздражение станет действовать так же, как вид и запах мяса (безусловный раздражитель): при условном сигнале у собаки немедленно начинается выделение слюны и обычное при виде пищи двигательное возбуждение. Условный сигнал привел к образованию нового, временного, условного рефлекса.

¹ Анри Бергсон (1859–1941) – выдающийся французский философ, психолог, писатель.

Как же образуются эти рефлексы? При раздражении условным сигналом воспринимавших свет клеток сетчатки (зрительная оболочка глаза), клеток Кортиева органа, воспринимающих звук, фаттеровых телец и концевых аппаратов чувствительных нервов кожи, воспринимающих осязательные и болевые ощущения, все эти ощущения передаются по волокнам чувствительных нервов в те области коры головного мозга, нервные клетки которых предназначены для восприятия только этих раздражений (зрительный нерв расположен в затылочной части полушарий, звуковой – в височной и т. д.). Нервные клетки коры, восприняв раздражение, анализируют его и, соответственно результатам анализа, передают импульс на нижележащие центры головного и спинного мозга для соответственного исполнительного действия (эффекта): двигательного, секреторного, сосудодвигательного и т. д. Эти нижележащие исполнительные центры называются эффекторными. Анализатором Павлов называет всю систему, состоящую из специфических, воспринимающих клеток органа чувств, начинающихся от них нервных волокон чувствительного нерва, их продолжений – волокон белого вещества и их окончаний – нервных клеток сенсорной области коры полушарий. Таких анализаторов в мозгу бесчисленное множество. Среди них, кроме тех, которые имеют начало в наших пяти органах чувств, есть очень много иных, несущих раздражение от всех органов нашего тела и сигнализирующих коре мозговых полушарий обо всем, что происходит внутри тела. На мозг, таким образом, возлагается грандиозная задача анализировать все эти раздражения и отвечать на них реакциями эффекторных центров.

Теперь будут понятны следующие выписки из книги Павлова:

«С точки зрения условных рефлексов большие полушария представляются как комплекс анализаторов, имеющих задачу разлагать сложность внешнего и внутреннего мира на отдельные элементы и моменты и потом связывать все это с многообразной деятельностью организма».

«Оставаясь на почве точных факторов, мы можем сказать, что большие полушария есть совокупность анализаторов, которые разлагают сложность внешнего и внутреннего мира на отдельные элементы и моменты и затем связывают таким образом анализированные явления с той или иной деятельностью организма».

«Большие полушария – орган животного организма, который специализирован на том, чтобы постоянно осуществлять все более совершенное уравнивание организма с внешней средой, – орган для соответственного и непосредственного реагирования на различнейшие комбинации и колебания явлений внешнего мира и в известной степени специальный орган для непрерывного дальнейшего развития животного организма».

«Моторная область полушарий есть рецепторная область, или главная сфера и т. д., и двигательный эффект при раздражении коры в сущности рефлекторной природы. Этим устанавливается единство всей коры полушарий. Кора, таким образом, является только рецепторным аппаратом, многообразно анализирующим и синтезирующим приходящие раздражения, которые только посредством направляющихся вниз соединительных волокон достигают эффекторных аппаратов».

«В передних долях нет никаких механизмов, которые являлись бы верховными по отношению ко всем полушариям. О каких-то общих механизмах, находящихся в передних долях, не может быть и речи. Никаких особенно важных приборов, которые устанавливали бы высшее совершенство нервной деятельности, там, очевидно, нет». И. Павлов, как и Бергсон, полагает, что разница между головным и спинным мозгом только в сложности, а не в характере функций. Он и его школа считают возможным расшифровку высшей нервной деятельности собаки, какую дали эксперименты с условными рефлексами, отнести и к физиологии мозга человека.

Если у собаки можно получить только вторичные условные рефлексы с первичных, то у обезьяны число их уже выше, а у человека, несомненно, возможно очень большое наслаивание одних приобретенных рефлексов на другие, предшествовавшие им, и этим беспрестанно

продолжающимся и усложняющимся в течение жизни человека образованием новых мозговых связей дается возможность совершенствования умственной деятельности и расширения объема сознания. Но все-таки эта сложнейшая мозговая деятельность остается только рефлексом головного мозга, и эта новая физиология мозга, как нам кажется, должна занять место психологического учения об ассоциациях.

Но разве это не то же самое, что говорил Бергсон: «Мозг – не что иное, как нечто вроде центральной телефонной станции: его роль сводится к выдаче сообщения или к выяснению его. Он ничего не прибавит к тому, что получил».

Очень важны исследования Павлова и его сотрудников физиологического значения лобных долей мозговых полушарий. Эти доли доселе всеми считались важнейшей частью головного мозга, центрами высшей психической деятельности, органом мышления по преимуществу, даже «седалищем души». Но Павлов не нашел в них «никаких особенно важных приборов, которые устанавливали бы высшее совершенство нервной деятельности»: кора этих передовых долей больших полушарий, как и вся остальная кора, представляют собой сенсорную область. Вся кора полушарий, эта совершеннейшая часть мозга, состоит только из бесчисленного множества анализаторов. И если в коре не нашлось места для какого-нибудь центра чувств, то тем более его нельзя искать в серых узлах мозгового ствола, которые, как это отчасти известно, имеют чисто физиологические функции. Мозговая кора анализирует не чувства, а ощущения.

А если мозг нельзя считать органом чувства, то это в огромной мере подтверждает учение Священного Писания о сердце как органе чувств вообще, и в особенности – высших чувств.

Эти исследования Павлова соответствуют наблюдениям хирургов за множеством раненых с абсцессами лобных долей мозга. Они, как правило, не сопровождаются сколько-нибудь заметными изменениями психики или расстройством высших мыслительных функций. Из своей собственной практики приведу только два ярких наблюдения.

У молодого раненого я вскрыл огромный абсцесс (около 50 см³ гноя), который, несомненно, разрушил всю левую лобную долю, и решительно никаких дефектов психики после этой операции я не наблюдал.

То же самое я могу сказать о другом больном, оперированном по поводу огромной кисты мозговых оболочек. При широком вскрытии черепа я с удивлением увидел, что почти вся правая половина его пуста, а все правое полушарие мозга сдавлено почти до невозможности его различить.

Войно-Ясенецкий В.Ф. (святитель Лука). Дух, душа и тело. – Москва-Клин, 2003.

Зависят ли психические явления от физических?

Самый главный аргумент против материализма заключается в следующем. Мы видим, что физиология приводит множество фактов, указывающих на то, что между явлениями физическими и психическими есть постоянная связь; можно сказать, что нет ни одного психического акта, который не сопровождался бы какими-либо физиологическими; отсюда материалисты делали тот вывод, что психические явления зависят от физических. Но такое толкование можно было бы давать только в том случае, если бы психические явления были следствиями физических процессов, то есть если бы между теми и другими существовало такое же причинное отношение, как между двумя явлениями физической природы, из которых одно есть следствие другого. На самом же деле это вовсе не верно. Между физическими и психическими процессами не существует никакого причинного отношения. Процессы сознания не суть следствия физических процессов.

«По закону причинности (Вундт), везде принятому в естественных науках, мы можем говорить о причинной связи двух явлений только в том случае, когда действие из причины может быть выведено по определенным законам. Такое выведение в собственном смысле возможно только в однородных процессах. Это выведение возможно провести во всей области естественных наук или, по крайней мере, такое выведение мыслимо, потому что расчленение этих явлений постоянно приводит к процессам движения, в которых действие в том смысле эквивалентно своей причине, что при соответствующих условиях причинное отношение можно обратить, т. е. следствие можно сделать причиной, а причину следствием. Так, например, падение какой-либо тяжести с определенной вышины производит двигательное действие, посредством которого тяжесть такой же величины может быть поднята на ту же высоту. Ясно, что о такой эквивалентности между нашими психическими деятельностями и между сопровождающими их физиологическими процессами не может быть и речи. Действиями последних всегда могут быть только процессы физического характера. Только благодаря этому и возможна в природе та замкнутая причинная связь, которая находит свое полное выражение в законе сохранения энергии; этот закон нарушался бы всякий раз, когда телесная причина производила бы духовное действие.

Физический процесс в мозгу образует замкнутую причинную связь, нигде не наступает член, который не был бы физической природы. Например, какой-либо человек переходит через улицу; вдруг его называют по имени; он поворачивает голову к тому, кто его зовет. Физиолог весь этот процесс мог бы построить чисто механически; он показал бы, каким образом воздействие звуковых волн на слуховой орган возбуждает в слуховом нерве определенный нервный процесс, каким образом этот процесс распространяется к центральному органу, который, наконец, приходит к иннервации известных групп двигательных нервов, конечным результатом которых оказалось движение головы в том направлении, откуда шли звуковые волны. Все эти процессы приходят к физическому прогрессу без всякого перерыва. Но, кроме того, здесь происходит еще и другой процесс, которого физиолог в своих объяснениях не должен принимать в расчет, но о котором он, как мыслящий и объясняющий свои мысли человек, говорит: слуховые ощущения вызвали представления и чувства, позванный услышал **свое имя**, он обернулся, чтобы узнать, кто **его позвал**, и затем он увидел там **своего** старого знакомого. Эти процессы совершаются рядом с физическим процессом, но не вмешиваются в него. Восприятие и представление не образуют членов физического причинного ряда. Они не вмешиваются в процессы физические. «Животное или человеческое тело, – говорит физиолог Геринг, – не изменится в глазах физика от того, что животное способно чувствовать удовольствие или боль, что с материальными отправлениями тесно связаны радости и страдания духа, живое воображение и сознание. Для него тело остается все тою же массой материи, которая подлечит

тем же несокрушимым законам, которым подлежит и вещество камня, и вещество растения. Ни впечатление, ни представление, ни даже сознательная воля не могут составлять звена этой цепи материальных обстоятельств, образующих жизнь организма. Если я отвечаю на заданный мне вопрос, то материальный процесс, совершающийся в это время между волокнами органа слуха и мозгами, должен оставаться только материальным, чтобы достигнуть двигательных нервов голосового аппарата. Процесс этот не может, достигши известной части мозга, внезапно обращаться в нечто невещественное, чтобы по прошествии известного времени в другой части снова принять форму вещественного проявления».

Если бы теория материалистов была правильна, то нужно было бы ожидать, что физический процесс в известных пунктах обнаруживает перерыв и именно там, где в качестве членов причинной связи выступают психические события.

Если бы нервное движение было причиной ощущения, то оно как таковое должно было бы уничтожаться, а взамен его возникало бы ощущение. Но мы легко можем убедиться в том, что это невозможно, если примем в соображение, что может породить движение вообще. Например, движение шара *A* имеет своим следствием движение шара *B*, то есть первое движение пропадает, вместо него возникает определенное движение второго шара. Известное движение вызывает теплоту, то есть движение пропадает, вместо него появляется определенное количество теплоты; то же самое должно было бы быть и в нашем случае: вместо уничтожившегося движения должно было бы возникнуть ощущение или представление как его эквивалент. Но представление не есть что-либо материальное, поэтому для физики причинная связь имела бы здесь пробел, в физическом процессе отсутствовало бы звено. Это противоречило бы непрерывности физических процессов, наблюдаемых во всей природе. То, что движение превращается не в другую форму движения, не в потенциальную физическую энергию, но в нечто, что физически вообще не существует, есть предположение, которого физик не может допустить. Превращение движения или физической энергии в мысль, в чистые процессы сознания для натуралиста было бы равносильно уничтожению энергии. Следовательно, материализм невозможен с точки зрения естествознания.

Теперь читатель легко может видеть, в какой связи находится материализм и естествознание. Можно сказать, что данные естествознания не подтверждают положений материализма. И даже, наоборот, наиболее выдающиеся представители естествознания высказывались против возможности материалистического толкования духовных явлений. Назовем такие имена, как Гельмгольц, Дюбуа-Реймон, Фирордт, Лудвиг, Фикк.

Один из наших русских физиологов, открывая в 1871 году курс физиологии, во вступительной лекции доказывал, что мнение об особенной связи физиологии с материализмом основано на невежестве и что, напротив, естествознание скорее способно указать слабые стороны материализма (см. Ибервег-Гейнце. История философии. – 1890, с. 549). Английский физик Тэт в книге «Новейшие успехи физических знаний» говорит: «Существует многочисленная группа людей, которые утверждают, что воля и сознание – чисто физические явления. Это заблуждение обусловлено тем легковерием, которое характеризует невежество и бездарность». Из этого легко видеть, что материализм есть порождение естествоведов, а не естествоведения.

Поэтому, ради последовательности, материалисту остается признать ощущение первичным свойством всякой материи или, по крайней мере, свойством материи организованной, но, став на эту точку зрения, материализм отказывается от своего основного положения.

Вот почему Бюхнер, желая отстоять свои прежние взгляды, стал на новую точку зрения, которая не может быть названа материалистической в строгом смысле этого слова. В последнем издании своего «Stoff und Kraft» он находит, что признание материи безжизненной совершенно ни на чем не основано. По его мнению, материи как таковой должны быть присаны наряду с физическими свойствами и свойства психические. Здесь мы у него находим вставки, состоящие в прямом противоречии с положением чистого материализма, что мысль

есть функция материи, что можно было бы признать в том случае, если бы мы допустили одну субстанцию в мир – материальную.

У Бюхнера мы находим признание субстанции, но не материальной. «Мышление и протяженность, – говорит он, – могут быть рассматриваемы как две стороны или способы явления одного и того же единичного существа, каковое существо, однако, по своей природе остается неизвестным». Дух и природа в конце концов – одно и то же. Эта монистическая точка зрения, которая никак не может быть связана с материализмом и к которой должен был прибегнуть Бюхнер, чтобы отстоять частности материалистического учения, по нашему мнению, самым неопровержимым образом доказывает полную несостоятельность этого учения в его ходячей форме. (Прив. доц. Г. Челпанов: Мозг и мысль (критика материализма). «Мирь Божий», 1896, февраль).

Дьяченко Григорий (свящ.) Из области таинственного. – М.: Донской монастырь, 1992

Главный вопрос мировоззрения

Вопрос о бессмертии души – едва ли не самый главный вопрос мировоззрения. Таким считал его Ф.М. Достоевский, таким считаем его и мы. Для Достоевского бессмертие – это «опорный пункт веры в человека, к которому сводится решение всех мучивших человечество вопросов»; «высшая идея на земле – лишь одна, это именно идея о бессмертии души человеческой, ибо все остальные «высшие» идеи жизни, которыми может быть жив человек, лишь из нее одной вытекают».

Для тоскующего по вере в Бога Версилова (герой романа Ф.М. Достоевского «Подросток») Бог и есть бессмертие. И это очень понятно. Ведь если существует область духа – душа отдельного человека, то этим почти решается и вопрос о существовании вообще духовного бытия. Если есть бессмертие, значит, есть и Бог.

В то же время идея бессмертия – основная предпосылка практической деятельности людей. «Или бессмертие, или антропофагия, людоедство, пожирание друг друга», – так ставит вопрос Достоевский. И он прав. Нельзя жить, не веря в душу.

В «Homo sapiens» С. Пшибышевского есть страшный диалог между Гродским и Фальком, двумя «неверующими», остановившимися перед вопросом, жить ли им и как жить:

«Гродский: Фальк, ты веришь в душу?»

Фальк: Нет, не верю. Нет, я не знаю. Я ни во что не верю. А ты что-нибудь думаешь о «ней»?

Гродский: О ком?

Фальк: О ней.

Гродский: Я не верю, но мне страшно».

Смысл этого разговора, полного ужаса, ясен: даже эти нигилисты до того жаждут существования души и Бога, чтобы «на Нем положить свою жизнь», что с благоговейным ужасом и боязнью произносят и само слово «душа». Они желают, им хочется думать о ней; им страшно думать, что она есть, и еще страшнее признать, что ее нет. Тело свое они «изжили», взяли из него все, что можно. И теперь встает вопрос: куда же идти дальше? С точки зрения их прежнего мировоззрения ответ ясен: «идти в смерть». Но останавливает мысль: «а что если есть душа?». Ведь тогда можно жить, тогда открывается цель и смысл жизни. Просто так нельзя умереть, придется вечно нести погубленную, проданную телу душу. Это сознание радостно, мучительно и ужасно.

Нужно выбрать одно из двух: или, изжив все наслаждения, пережив все, что может дать жизнь пьяного, наркотического, скорее убить себя, не опомнившись от похмелья, или уверовать в бессмертие, в эту «страшную душу». Скажем яснее: человек знает два мотива-импульса, позволяющие ему нести «обузу жизни». Один мотив – жизнь для себя, для тех нервных, пьяных ощущений, которые даны в «жизненном кубке». Так живет Федор Павлович Карамазов (герой романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»), который стал на сладострастии своем, как на камне; так живут многие, по причине тупой, страстной привязанности к ощущениям жизни принимающие мир прежде, чем найдут нравственный смысл его, или даже без всякого смысла, без высшей идеи, удерживаемые в этой жизни «силой карамазовской низости».

Только себялюбцы без крыльев, с узенькой мещанской душой могут дожить до того дня, когда недорослая душа бросит изношенное тело. Они могут существовать лишь потому, что не живут, а передвигаются изо дня в день и, недостойные жизни, не чувствуют ее и не творят ее. И, не живя, они не умирают, а незаметные, уходят из этой жизни. А те, кто с «крыльями», если они живут «силой карамазовской низости», пьют из кубка с отчаянием, неудержимо, а когда вино не пьянит, не вынося похмелья, разбивают кубок об пол.

Итак, с одной стороны, – бессмертие, а значит, напряженная духовная жизнь, с другой – тупое прозябание людей ни теплых, ни холодных, ведущее к самоубийству.

Есть и другой тип людей: они живут общественно-альтруистическим инстинктом. Лейт-мотив их жизни – «нужность», полезность для человечества в его скорбном пути к счастью, борьба за гармонию всей человеческой жизни. Но этот мотив силен только рядом с идеей души и ее бессмертия. Только тогда человек может участвовать в созидании общего счастья, когда он уверен, что и он, его «я», будет петь осанну будущей гармонии мира и торжествовать с пальмами победу – личное бессмертие, – и еще более тогда, когда он уверен, что счастье всего человечества не рассеется в будущем, как дым.

Если нет уверенности в том, что духовное богатство человечества вечно, потому что вечны и «души – носители богатства», то и любовь к человечеству невозможна. Можно ли любить человека, когда от всего человечества не остается в будущем и сального пятна, и можно ли любить мир, когда в будущем он обратится со всеми душами и идеями в ледяную сосульку?

Без веры в бессмертие связи человека с землей становятся тоньше и в конце концов рвутся. Атеист-самоубийца у Достоевского пришел к заключению, что «по-животному жить отвратительно, ненормально и недостаточно для человека», то есть это уже надоело. Но встает вопрос: что же в таком случае сможет удержать человека-безбожника в этом мире? В Бога и бессмертие он не верит, а вне этой веры нет нравственных начал жизни. «Сила низости карамазовской», животный страх смерти или животная жажда жизни выдохлись. Они и не могут не выдохнуться. Итак, что же теперь? Теперь самоубийство неизбежно.

«Неотразимое убеждение в том, что жизнь человечества, в сущности, – такой же миг, как и моя собственная, и что назавтра же, по достижении «гармонии» (если только верить, что мечта эта достижима), человечество обратится в тот же нуль, как и я, силою косных законов природы, да еще после стольких страданий, вынесенных в достижении этой мечты, – эта мысль возмущает мой дух окончательно, именно из-за любви к человечеству возмущает, оскорбляет за все человечество и по закону отражения идей убивает во мне даже самую любовь к человечеству».

Нельзя любить небессмертное, нелепое, пошлое человечество, которое и существует бессмысленно. Для любви к людям нужна вера в душу и бессмертие, без этого любовь к людям непонятна и невозможна. Иначе – опять антропофагия. Этот вывод иллюстрирует пример Фалька, на которого мы указывали выше. Он соединил в себе оба мотива жизни: поиски неких ощущений и работу ради «общего счастья», ради великой гармонии будущего. И в конце концов у него вырывается крик: «Дайте мне душу, или прокляты и мое «пьянство» жизнью, и моя любовь к человечеству. Она была ложью. Я эту любовь выдумал, чтобы спрятаться от взора смерти, которая глядит мне в глаза, чтобы убить в себе муку, видеть в себе только земляного червя, который завтра умрет. Дайте мне душу, чтобы любить людей не из-за отчаяния, а за бессмертие и ради бессмертия».

Итак, душа нужна. Но возможно ли доказать ее бессмертие?

Полагаем, что здесь, главным образом, возможны два пути: путь мистического опыта и так называемое нравственное доказательство бессмертия.

Истину существования человеческого духа раскрывает опыт христианской жизни. Но это доказательство убедительно только для тех, кто живет духовной жизнью столь глубоко, что ощущает в своей душе дыхание Живого Бога.

Моральное доказательство сводится к следующему положению: «Мы хотим бессмертия – значит, оно есть». Вот слова Ф.М. Достоевского, в которых оно заключается: «Без убеждения в своем бессмертии связи человека с землей обрываются, становятся тоньше, гнилее, а потеря высшего смысла жизни, ощущаемой хотя бы лишь в виде бессознательной тоски, несомненно, ведет за собой самоубийство». Но отсюда – и обратное нравоучение: «Если убеждение в бессмертии так необходимо для бытия человеческого, то, стало быть, оно есть нормаль-

ное состояние человечества, а коли так, то и самое бессмертие души человеческой существует несомненно».

Это доказательство кажется глубоким, но очевидно, что убедительность его – не логическая. Нельзя ли найти доказательства другого типа?

Для наших же читателей решаемся указать и иной интересный способ доказательства бессмертия, рассчитанный на тех, кто не верит, более того – не хочет знать никаких законов, кроме материи и ее эволюции.

Мы утверждаем, что бессмертие можно считать фактом даже в том случае, если стоять на позициях теории эволюции. Вот как эта теория была изложена нами в одной публичной лекции:

«Речь пойдет о бессмертии. Живет ли и будет ли жить наша душа? Вопрос важный и вовсе не праздный. Вспомните, как остро ставит его «подпрапорщик» Гололобов в рассказе Арцыбашева. Он говорит: «Каждый человек обязан думать о своей смерти, потому что каждый человек должен умереть. Никто не может относиться равнодушно к такой ужасной вещи, как смерть. Положение каждого человека есть положение приговоренного к смертной казни. Смерть – это неестественно, это насилие... Я не хочу умирать, но умру. Это и насилие, и противоестественно. Это было бы красивой фразой, если бы в действительности было не так. Но оно так, а потому это уже не фраза, а факт».

«Не ужасно ли, право, – вторит ему доктор, – вот мы все живем, а потом умрем, так зачем же мне тогда, не говорю уж наши заботы, огорчения и радости, а даже наши идеалы? Вот Базаров говорил, что лопух вырастет, а в сущности – еще того хуже: и это-то неизвестно. Может, и лопух не вырастет, а просто ничего не будет. Завтра помрут все, кто меня знал; бумаги мои, сданные в архив, съедят крысы, или их сожгут, и все будет кончено. Никто и не вспомнит обо мне. Сколько миллионов людей существовало до меня, а где они? Я вот хожу по пыли, а эта пыль пропитана останками тех людей, которые так же были самоуверенны, как и я, и думали, что это очень важно, что они живут.

Вот огонек горел – и нет его! Пепел остался; может быть, можно опять зажечь, но это уж будет не то. Того, что горел, того уж не будет! Меня не будет! Неужели же... Ну, конечно! Все будет: и деревья, и люди, и чувства – много приятных чувств, любовь и все такое, – а меня не будет. Я даже смотреть на это не буду. Не буду даже знать, есть ли это все или нет!

То есть даже не то что «не буду знать», а просто меня совершенно не будет! Просто? Нет, это не просто, а ужасно жестоко и бессмысленно! Зачем же я тогда жил, старался, считал это хорошим, а то дурным, думал, что я умнее других? Все равно меня не будет. И меня черви съедят. Долго будут есть, а я буду лежать неподвижно. Они будут есть, копошиться, белые, скользкие. Пусть лучше меня сожгут. Вот это тоже ужасно! Зачем же я жил? И ведь я умру скоро. Может быть, я завтра умру? Сейчас? Ведь это так просто: заболит самым невинным образом голова, а потом все хуже, хуже и смерть. Я ведь сам знаю, что это просто, знаю, как и почему это, а между тем, остановить и предупредить не могу! Умру. Может, завтра; может, сейчас. Какой смысл, кому нужно? Нет, я боюсь, боюсь!..»

Да, это ужасно, и об этом нельзя не думать, каждый обязан думать о смерти – вернее, о бессмертии, – чтобы жить и творить.

Возможно, для доказательства бессмертия лучший метод – моральный. Может быть, здесь не нужна логика ученого, а нужно пророчество, вдохновение тех пророков, которые скитались в милотях и козых кожах и которых весь мир не был достоин (Евр. 11, 37–38), в чьих речах – сила духа, которая уже достаточно доказывает вечное бессмертие; но поскольку вы хотите доказательств из области чистого знания, – я уступаю.

Я не хочу поймать вас в ловушку. Вы собрались здесь не затем, чтобы слушать проповедь, и если бы я преподнес вам это неожиданно, то меня можно бы было обвинить в том, что я как будто устроил для вас западню. Я не желал бы заслужить такого упрека. Я думаю, что в

самом деле многие из моих слушателей не пожелали бы прийти сюда, если бы им предложили присутствовать на проповеди. Спешу вас успокоить на этот счет, объяснив, в каком смысле мне придется говорить здесь о бессмертии и из какого источника я буду черпать для этого доказательства.

Я хочу говорить как естественник и свободный философ и предупреждаю, что я буду просто референтом, докладывающим выводы Сабатье, Джемми, Шиллера и др.

Не думайте, что я надеюсь бесспорно убедить всех в догмате бессмертия. Нет. Задача моя скромнее: я хочу добиться признания того, что мы не имеем права его отрицать. Единственное мое намерение – и оно вполне законно – это исследовать, действительно ли идея личного бессмертия встречает противоречие в научных данных; действительно ли современные успехи знания все глубже и глубже роют неизбежную могилу для человеческого существа, и действительно ли только наивным и невежественным людям свойственно верить, что вне этого земного существования может быть другое и что телесная смерть вовсе не влечет за собою неизбежного умирания личности.

Тем, кто предполагает, что приобретение человеческих знаний разрушило учение о бессмертии, я нахожу нужным заметить, что таким образом намереваясь опираться на науку, выражая якобы научное мнение, они оскорбляют науку. Они говорят: «Наука не позволяет верить в бессмертие. Наука доказывает, что все умирает, все разлагается на свои основные части, ничто не вечно. Наука отрицает возможность бессмертия. Последнее несовместимо с научными данными».

По словам Сабатье: «Наука не опровергает бессмертия; у нее нет возможности ни опровергнуть его, ни доказать. Бессмертие – это такой вопрос, который только еще входит в область науки, поэтому и не может быть доказан научным способом». Я утверждаю, что наука движется к признанию бессмертного духа, но когда она к этому придет – не знаю.

Уже с древних времен мыслящее человечество пыталось решить вопрос о том, бессмертен ли человек, будет ли он существовать как сознательная личность после видимой телесной смерти или его душа – миф, нечто, реально не существующее; и в решении этого вопроса наметилось два противоположных направления. Одно исходило из уверенности в том, что человек имеет особое начало – дух, – которое не только отличает его от всего остального живого мира (количественное соотношение), но и возвышает над ним (качественное соотношение). Дух этот не подлежит разрушению, так как и по смерти тела он сохраняет самостоятельное существование; он вечен, как вечен его Творец.

Другое направление имело в своем основании совершенно противоположную мысль, а именно – что человек только количественно, но не качественно отличается от других живых существ; что в нем нет никакого Божественного начала; что он представляет собой соединение материальных элементов, которые разрушаются со смертью организма; что нет никакой другой жизни, кроме земной, поэтому людей должно призывать не к воздержанию, не к совершенству, а к тому, чтобы максимально пользоваться всеми земными благами без всяких забот о завтрашнем дне. Будем есть и пить, потому что утром мы умрем (1 Кор. 15, 32).

Когда на земле появилось христианство – религия, воспевающая союз Безначальной Личности с бессмертным человеческим духом, – и когда оно мощно распространилось по всему миру, воцарилось в сознании всех разумных свободных личностей, тогда теория полной материальности человеческого существа начала тускнеть, уступая свое место живой вере человека в свое бесконечное существование. Но она не умерла окончательно: прошло несколько веков – она вновь возвысила свой голос. Воспользовавшись теми выводами, которыми естествознание обогатило науку, эта теория стала утверждать, что бессмертия нет и не может быть и что поэтому бессмысленно мечтать о какой-либо иной жизни, кроме земной; нет никакой души как особого духовного начала, а то, что люди привыкли называть душой, есть не что иное, как «плод развития мозга».

Вот что писал по этому поводу Бюхнер: «Философия без предрассудков вынуждена отбросить мысль о личном бессмертии и о продолжении личной жизни за гробом. Ум должен прекратить свое существование с гибелью и разложением своей естественной почвы, при посредстве которой он только и получал сознательное существование и благодаря которой он сделался личностью» (Ген. Друммонд. Естественный закон в духовном мире. – М., 1897, с. 113.).

Тем же характером отличаются и рассуждения Фохта: «Физиология положительно и решительно отрицает отдельное существование души. Душа не входит в утробный плод, как злой дух в одержимых, но она есть плод развития мозга, так же как мускульная деятельность есть плод развития мускулов, а выделения – плод развития желез».

Казалось, человечество было накануне кризиса мировоззрения. Ответ ему был ясен: душа умерла, Бог умер, человек должен сойти с пьедестала, на котором он стоял как владыка мира, существенно отличавшийся от одушевленной природы своим разумом и свободой. Связь с небом была порвана, потому что небо, по его мнению, пусто, там нет Бога. Это был трагический момент. Но людям не дано губкой снять краску со всего горизонта: им не убить Бога.

Прошли пьяные годы голого материализма, и вот мы стоим перед положением, противоположным бюхнеровскому: душа есть, и она бессмертна, потому что материи, в сущности, нет. И вот, как гром среди белого дня, грянуло: «Ignoramus et ignorabimus» Дюбуа-Реймона (немецкий физиолог). «Не знаем и не будем знать» – вот новый принцип.

Да, естествознание сделало большие успехи, оно до некоторой степени перевернуло мир, но оно не может взять на себя слишком ответственную задачу – построить цельное, строго научное мировоззрение, ибо суть мирового бытия, тайна жизни является для него такой же неразгаданной, какой была и раньше.

Что такое жизнь? – спрашивали «новые» пытливые умы и отвечали: – Естествознание не знает. В чем цель жизни и к чему все идет? Наука не может дать на это ответа.

Можно ли, по крайней мере, утверждать, что, помимо материи, нет иного бытия? Оказывается, и этот вопрос остается без ответа. Наука имеет дело только с опытом, с положительными фактами. Сказать же что-нибудь определенное о том, что выходит за пределы опытного наблюдения, не захочет ни один сколько-нибудь уважающий себя естествоиспытатель. Подобного рода речи, если только они исходят от приверженца положительного знания, служат лишь оскорблением науки.

С этого дня началось крушение многих «полуаксиом» знания. «В области науки в будущем еще падет и разрушится много суеверий и аксиом», – говорил я некоторое время тому назад. Мне приходилось тогда же писать и о разрушении одной из них – аксиомы «Ex nihilo nihil» («Из ничего ничего не происходит»). Насколько тверда эта мысль? Может быть, и даже несомненно, она бесспорна, но мы вкладываем в нее такое содержание, какого в ней нет.

Возьмем, к примеру, партеногенез. Знаете ли вы, что это такое? В животном мире это рождение без участия мужского начала. Яйцеклетка оплодотворяется, становится способной создать жизнь через раздражение ее химическими, электрическими реактивами. Эти реактивы вполне заменяют мужское начало, так как, по-видимому, сперматозоид и играет только роль раздражителя. Таким образом «девственно» размножались шелкопряд, иглокожие и т. д.

Если бы вам кто-нибудь сказал об этом факте, вы, наверное, ответили бы: «Нет, это нелепость, без мужа рождение невозможно. Теперь «бессеменное» зачатие, партеногенез, – признанный факт (см. Мир Божий. Январь, 1905. Современное состояние учения о партеногенезе), но когда 110 лет тому назад де-Кастеллэ в первый раз сказал знаменитому Реомюру (французский естествоиспытатель XVIII века. Известны его труды по регенерации, физиологии, биологии колоний насекомых. Предложил температурную шкалу, названную его именем) о своем открытии девственного размножения у шелкопряда, тот только улыбнулся. «Ex nihilo nihil», – и де-Кастеллэ тотчас покаялся в нелепости своей мысли и стал оправдывать свою

«ошибку». Однако здесь-то он и ошибся, и мы вынуждены признать, что эта формула верна лишь отчасти.

Рассмотрим еще одну аксиому: «Все, что имеет начало, имеет и конец». На первый взгляд кажется, что из нее нет исключений, но не придется ли ограничить и ее? Однако всмотримся в это внимательнее. Может ли наука сказать, что она не знает ни одного исключения из этого правила, ведь в природе много вещей, начало которых мы не наблюдали и конца которых также не увидим. По аналогии можно заключить, что и эти явления подчиняются закону смерти и разрушения. Но вопрос не в этом, а в том, можно ли об этом говорить положительно, оставаясь на строго научной почве. А что, если эти явления в самих себе носят способность вечно возрождаться, вечно возобновляться, так сказать, вечно молодеть? Оказывается, это так, и доказательство тому – факты.

Начнем с неорганизованной материи. Возьмем кристалл каменной соли, представляющий собою индивидуальность вполне ясного характера: определенная геометрическая форма, отношение составляющих его молекул, оптические, тепловые, электрические, магнитные и химические свойства и т. д. Группировка составных частей этого кристалла индивидуализировалась вполне отчетливо. Предположим, что составные части в нем будут исключаться и заменяться, по мере их исключения, другими составными частями, тождественными первым; допустим, что такое замещение в очень небольшом количестве происходит медленно, постепенно, прогрессивно, так что элементы, введенные в данный момент, будут всегда в меньшинстве относительно стоящих перед ними.

Отсюда, очевидно, следует, что характеристическая форма кристалла, его положение, отношение к соседним кристаллам, функции, динамическое состояние, его свойства в общем останутся прежними. Следовательно, прогрессивная замена элементов не нарушила динамической индивидуальности, функциональной группировки элементов, совокупности сил и их действий, они остались без изменения. И если эта прогрессивная замена не прекращается и будет продолжаться в течение неопределенного времени, кристалл как индивидуальность может, по моему мнению, считаться как бы имеющим свойство существовать постоянно и – можно даже сказать – свойство бессмертия. Бессмертие этого кристалла, по нашей гипотезе, обусловлено непрерывающимся постепенным возобновлением его составных частей, постоянным возрождением, представляющим собой род охранительной эволюции (Сабатье). Но это бессмертие относительно и неполно.

Было время, когда существовала только неорганическая материя по типу первичной плазмы. Плазма представляет собой необыкновенно сложное, даже самое сложное из всех известных нам соединений. Но хотя ее составные части чрезвычайно многочисленны, все же это не простая смесь, а химическое соединение, известное под названием химического молекулярного комплекса, то есть это взаимное притяжение различных молекул, между которыми существует такая связь, которая превращает всю их совокупность в одно целое. Альбумин есть главная и активная составная часть плазмы. Этот комплекс обладает всеми свойствами жизни; в нем – то именно и происходят с такой энергией явления уподобления, преобразования, питания, разрушения и т. д. и т. п., которые образуют необходимые элементы, составляющие жизнь. Следовательно, он дает возможность жизни, ставшей глухой и медленной в грубой материи, проявляться здесь с удивительной выразительностью, вечно обновляться, поддерживая ее бессмертие.

Плазма бессмертна вследствие постоянства той динамической совокупности, которая является результатом соединения составляющих ее материальных элементов, так как эти последние, хотя сами по себе и не постоянны, но могут, при своем выходе из соединения, замещаться другими; вследствие гармонического и уравновешенного соединения сил, для которых она служит центром и местом действия, а также по причине ее творческой, возрождающей, обновляющей способности, которая дает ей возможность повсюду отыскивать жизненные эле-

менты, группировать их и заставлять их проникать в составляющие ее агрегаты. Ибо в то время как составные элементы плазмы весьма легко теряют свою индивидуальность, вступая в новые соединения, она обладает значительной созидательной и реставрирующей силой, с помощью которой способна предохранить себя от этого разрушения, немедленно исправляя его непреодолимым стремлением, энергичной волей, направленной к сохранению жизни. Это искусный реставратор. Таким образом, зародышевая плазма является способной к вечному возрождению и к сохранению постоянной свежести.

Были и другие теории бессмертия – например, с позиции доминирующей роли головного мозга. «Мысль есть основная функция мозга», – говорил старый материализм. Будем и мы исходить из этого положения.

«Я прошу вас признать вместе со мною, – пишет профессор философии Гарвардского университета В. Джемс, – великую психофизиологическую формулу: мысль есть функция мозга. Теперь вопрос в том, принуждает ли нас логически эта доктрина отвергнуть веру в бессмертие? Заставляет ли она всякого здравомыслящего человека жертвовать надеждами на загробную жизнь потому, что он считает долгом принять все последствия научной истины? Я должен показать вам, что роковое заключение не является обязательным, как обыкновенно воображают, и что даже если наша душевная жизнь в том виде, в каком она проявляется пред нами, представляет в строгой точности функцию мозга, подверженного смерти, отсюда все-таки не следует, что жизнь не может продолжаться даже после смерти мозга; я хочу показать, что это, напротив, вполне возможно».

Мысль является функцией мозга – пусть будет так, но вопрос в том, какой функцией? Мозг можно рассматривать или как производящую причину мысли, или как одно из условий для проявления вонне той мысли, которая уже существует независимо от мозга. Предполагаемая невозможность продолжения жизни происходит от слишком поверхностного взгляда на допущенный факт функциональной зависимости. Как только мы взглянем внимательнее в это понятие о функциональной зависимости и спросим себя, например, сколько может быть видов функциональной зависимости, мы тотчас заметим, что по крайней мере один ее вид нисколько не исключает загробной жизни. Роковое заключение физиолога происходит оттого, что он голословно принимает только один вид функциональной зависимости, а затем считает этот вид единственно возможным.

Когда физиолог, полагающий, что наука его разбивает всякую надежду на бессмертие, утверждает: «Мысль есть функция мозга», он смотрит на факт совершенно так же, как когда он говорит: «Пар есть функция чайника, свет есть действие электрического тока, сила есть функция движения водопада». В последних случаях различные материальные предметы обладают функцией, создающей или порождающей данные действия, а такая функция их должна быть названа продуктивной, или же производящей, функцией. «Так точно, – думает физиолог, – должен действовать и мозг».

Но в мире физической природы такая продуктивная функция не является единственным видом известных нам функций. Мы знаем еще функцию перmissive, или освобождающую; кроме того, у нас есть еще трансmissive, или передающая, функция. Клапаны органа, например, обладают только передающей функцией: они последовательно открывают различные трубы и выпускают воздух из мехов различными путями. Голоса разных труб образуются волнами воздуха, вибрирующего при выходе. Но воздух не порождается в органе. Собственно орган, взятый отдельно от мехов, представляет собой только аппарат, выпускающий частями воздух в особой органической форме.

Наука не может считать мысль результатом производящей функции мозга. И вот почему. О продуктивной функции можно говорить только там, где совершенно ясно и отчетливо, то есть совершенно научно, будет показано, как одно, предыдущее, рождает другое, последующее. Здесь не должно оставаться ни одного, даже самого маленького «икса». Когда наука употреб-

ляет слово «функция», то она подразумевает лишь ряд постепенных изменений, наблюдаемых в известной последовательности. Так ли обстоит дело в нашем примере?

«Если мы говорим о науке в положительном значении ее, то под словом «функция» мы можем подразумевать не что иное, как просто соответствующие изменения. Когда мозговая деятельность изменяется в известном направлении, соответственно изменяется и сознание: когда работают затылочные доли мозга, сознание видит предметы; когда работает нижняя лобная часть мозга, сознание называет предметы самому себе; когда работа мозга останавливается, сознание засыпает, и т. д.

В строгой науке мы можем только записать простой факт соотношения. А всякое мнение о способе происхождения факта, посредством созидания его или простой передачи, представляет лишь добавочную гипотезу, притом гипотезу метафизическую, так как мы не можем составить себе никакого понятия о частностях как в том, так и другом случае» (У. Джемс).

Таким образом, научно можно утверждать только одно: за известным мозговым процессом следует известное впечатление, известное состояние сознания. Но можно ли, стоя на научной почве, сказать, что мозг именно и порождает сознание, что сознание существует лишь постольку, поскольку налицо имеется мозг?

Но тогда к какому же времени нужно отнести появление сознания? И как представлять самое его появление? Где именно здесь предыдущее и последующее, необходимо требуемые точной наукой? Спросите какое-нибудь указание относительно точного процесса рождения мысли – и наука признает себя бессильной ответить вам. Она не может пролить и малейшего света на этот предмет, не может дать вам и малейшего предположения или догадки. У нее даже нет по этому поводу ни плохой метафоры, ни игры слов. «Ignoramus et ignorabimus», – вот что скажет в этом случае большинство физиологов словами одного из них.

«Появление сознания в мозге, – ответят они, как ответил когда-то покойный профессор физиологии в Берлине, – есть абсолютная мировая загадка, нечто до того парадоксальное и ненормальное, что в этом явлении можно видеть камень преткновения для природы, которая в том почти противоречит самой себе. Относительно способа образования пара в чайнике мы имеем известные понятия, на которых и строим предположения, так как переменные части физически однородны и мы легко можем себе представить, что здесь речь идет лишь о видоизмененных молекулярных движениях. Но при образовании сознания в мозгу переменные члены разнородны по природе, и в пределах нашего разума это явление представляет такое же большое чудо, как если бы мы сказали, что мысль порождается самопроизвольно или создается из ничего» (У. Джемс).

Таким образом, мозг является только аккумулятором мысли, не более. А мы знаем, что аккумулятор есть материя, вещество, прибор, орган, способный получать извне и собирать, накапливать некоторые силы, вещества, продукты, для того чтобы расходовать их потом более или менее медленно и в известных условиях. Аккумулятор не созидает, он лишь накапливает то, что получает извне.

Приведу примеры для иллюстрации этого определения.

Простая пружина есть аккумулятор силы и движения: когда ее натягивают, она собирает и хранит силу, потраченную на ее натяжение, а потом может ее снова возвратить, быстро или медленно, в зависимости от условий, при которых она приходит в первоначальное состояние. Часовая пружина представляет собою всем известный и яркий пример указанного факта: она собирает и хранит упругую силу, сообщаемую ей в известное время рукой того, кто ее заводит, и, благодаря механизму, употребляемому для ее спуска, возвращает накопленное ею движение в продолжение более или менее долгого промежутка времени. Если спуск пружины произошел вдруг, а не распределен на большой промежуток времени, то сила возвращается быстро и вся зараз.

Водяной пар и вообще жидкости, приведенные в парообразные состояния, – также аккумуляторы теплоты и движения, потому что они заключают в себе в скрытом состоянии накопленную теплоту, сообщенную им очагом и употребленную на испарение их. Так как эта теплота обладает механическим эквивалентом, то пар является в то же время и аккумулятором движения. Сгущаясь, то есть превращаясь снова в жидкое состояние, пар может возвратить теплоту или в форме теплоты же, или в форме движения.

Электричество точно так же может быть аккумулировано на обширных металлических поверхностях, как, например, на цилиндрах электрических машин, или на электрических конденсаторах в собственном смысле, или в аккумуляторах, где оно собирается и сгущается вследствие соединения свинца с кислородом воды, а потом выделяется, благодаря разложению окиси свинца.

В растениях есть одно вещество, играющее замечательную роль аккумулятора углерода: это хлорофилл, который, извлекая углерод из находящейся в атмосфере углекислоты – соединения углерода с кислородом, – аккумулирует его в растении в форме клетчатки, древесины, крахмала и т. д. Этот углерод, увлекаемый растительными соками, отлагается в различных частях растения. Но в то же время хлорофилл служит аккумулятором теплоты и солнечного света, потому что, производя свою преобразовательную работу, он поглощает солнечную теплоту для того, чтобы потом выделить ее как топливо наших печей.

Конечно, я привел здесь не все примеры аккумуляции, которые представляет нам область научных исследований.

Итак, говоря упрощенно, мы представляем материю мозга своего рода фонограммой, на которой записана мелодия наших мыслей, волевых настроений, чувств. Наши мысли не родились из мозга: они перенесены извне. Это элементы, или готовые психологические волны, переданные нам миром (здесь речь идет об ощущениях) или другими духовными сознаниями (более сложные психологические волны).

Теперь спросим: какого рода та сила, которая оставила свои борозды на фонограмме души?

В конденсаторе аккумулируется электричество; в магните тоже может быть электричество с незначительно измененной характеристикой и т. д. А здесь, очевидно, действует какая-то новая сила. Неважно, как мы ее назовем, но, видимо, все-таки здесь даже натуралисту нельзя найти название лучше прежнего – дух. В сущности, трудно назвать иначе как словом «дух» и ту силу, которая организовала протоплазму.

«Вся обнаружившаяся жизнь есть ясное выражение духа: она – его плод и результат. Это именно дух, то есть возможность познавать конечную цель, или воля, направленная на осуществление ее более подходящими и избранными средствами. Это именно дух, пока еще бессознательный, распространенный повсюду в природе, произвел организацию протоплазмы; материю, общую всем живым существам; настоящую среду, где проявляется жизнь; физическую основу жизни. Именно духу протоплазма обязана той дивной организацией, которая дала ей возможность аккумулировать мировую жизнь, жизнь всеобщую и невидимую, жизнь, рассеянную в природе, а следовательно, явиться также аккумулятором и самого духа. Это опять-таки не кто иной, как дух, то есть воля, направленная на осуществление конечной цели, управляет тем удивительным механизмом, с помощью которого клетка, делясь, распадаясь на части, образует совокупность сначала одинаковых между собою клеток, а потом дифференцированных и группирующихся сообразно их стремлению к образованию органов. Опять-таки дух же достиг сооружения этого, вечно удивляющего собою, здания, которое получило имя растения, дерева, животного или растительного организма» (Сабатье).

В самом деле, что такое самая материя? «Это что-то очень духовное», – говорит один ученый. Опираясь на чисто естественнонаучную точку зрения, можно сказать, что ее, в сущности, и нет. Возьмите любой сложный предмет – например, пудовую гиру. Какие свойства в нем

реальны? Вес? Но вес есть выражение закона тяготения, выражение известного соотношения между планетами. Пуд на другой планете будет весить меньше. В центре Земли он потеряет свой вес совершенно. Цвет? Но он существует для нашего глаза, и только. Если бы наш глаз был совершеннее, мы бы видели движущиеся волны светового эфира, так что гиря растаяла бы на наших глазах, обратилась в систему «движений».

«Материя есть форма, принятая духом для осуществления конечной цели. Материя есть дух, сделавшийся осязательным для проявления аккумуляции и организации психологической силы, для прогрессивного развития души и нравственной личности. Уничтожьте материю – и дух останется в скрытом, неощутимом виде, в состоянии диффузии. При помощи материи он проявляется, аккумулируется, организуется. Следовательно, материя есть форма, принятая духом для его собственной аккумуляции и организации». И вот, дух, мысль, живущая в мире, сотворила мозг как свой орган. Аксиома, что функция создает орган, а не орган функцию.

Но теперь – снова вопрос. Пусть сознание («душа») только записано в мозгу, как в фонограмме. Следует ли отсюда, что она будет жить вечно? Можно ли сказать, что мозг уничтожается – фонограмма распадается и пропадет мелодия? Умирает ли душа с мозгом, если даже считать ее тесно связанной с ним по своей природе и сущности? Ответ на этот вопрос станет понятнее, когда выяснится, что такое жизнь и что такое смерть организма, что значит «умереть».

«Жизнь на земле всякого организма, как определяет опытная наука, есть известного рода соотношение его с окружающей средой или, другими словами, приспособление организма к окружающему его миру. Мир внешний воздействует на организм то положительным, то отрицательным образом; если последний будет воспринимать первого рода воздействия и противодействовать вторым, он будет жить».

«Жизнь, – писал Спенсер, – это непрерывное приравливание внутренних отношений к внешним. Таким образом, организмы стремятся к тому, чтобы установить с внешней средой состояние уравновешенности. Конечная цель всех жизненных действий, если рассматривать их не порознь, а в совокупности, состоит в уравновешении известных внешних процессов посредством известных внутренних» (Спенсер. Основные начала. С. 47).

Чем лучше организм приспособлен к окружающей его среде, то есть чем успешнее он может реагировать на все воздействия на него со стороны внешних сил, тем жизнь его будет продолжительнее и спокойнее. Если бы возможно было установить такое соотношение, при котором жизнь организма постоянно находилась бы в состоянии равновесия, организм был бы бессмертен. Даже Спенсер признает это положение. «Полное и совершенное соотношение, – утверждает он, – будет и совершенной жизнью. Если бы в окружающей среде были такие перемены, встречаться с которыми организм уже приспособился, причем перемены эти воздействовали бы на него всегда одинаково, то была бы вечная жизнь и вечное разумение».

Итак, жизнь есть соотношение с известной средой. Там, где соотношение уравновешенное, есть и жизнь; там, где этой уравновешенности нет, наступает смерть. По отношению к самому организму смерть означает, что его уравновешенность нарушена и не может уже более противостоять разрушению известной связи между составляющими его элементами. По отношению же к природе смерть отдельного организма означает лишь новое перераспределение соотношений между известными силами и материей, так как наука признает неуничтожаемость всего, что только существует. Собственно смерти как полного уничтожения бытия нет и быть не может: материя не уничтожается, и энергия не умирает.

«О смерти нельзя говорить в общепринятом смысле, как о безусловном отсутствии жизни. Одно только бессмертие существует вообще и служит неотъемлемой принадлежностью того, что находится в природе. Смерть нельзя смешивать с уничтожением. То, что сотворено, то есть материя и сила, и что можно представить себе отдельно одно от другого лишь чисто умозрительно, – все это, с точки зрения науки, несокрушимо. Но, если элементы несокрушимы,

нельзя сказать того же самого по поводу отношений связи между ними, от которых зависят их группировки, соединения, форма. Эти соединения, эти способы группировки, эти формы могут изменяться и изменяются в действительности, чем и объясняются проявления обмена элементов, их размещение, соединение и разложение, которые составляют столь многочисленные перемены и преобразования в животном мире». Разрушение данной связи элементов материи или энергии есть смерть.

Но теперь попробуем перейти к мысли и сознанию. Здесь опять налицо элементы сознания и их известное соотношение со средой. Среда в ближайшем смысле есть материя мозга. Естественно элементы сознания считать неуничтожаемыми, как и всякие элементы. Если материальные элементы неуничтожаемы, то, очевидно, и духовные элементы человека, его душа, не подлежат разрушению и она, подобно силам и материи, имеет полную возможность вступить в иные связи и соединения, установить соотношения с другой средой, отличной от той, в которой она была доселе.

Отсюда можно сделать и дальнейший вывод: естественно думать, что элементы сознания будут стремиться встать в более тесное соотношение со сродными элементами или будут тяготеть к тому, чтобы сблизиться с духовными сознаниями. Это стремление и будет стремлением души к обособлению от элементов тела в отдельное бессмертное существование.

«Бессмертие» и есть не что иное, как стремление души выйти из условий, которые она по мере развития перерастает, и войти в сношение с более близкими ей средами – духовными. И здесь нет ничего неестественного, и странного, и невозможного, ведь в природе можно наблюдать или одни только материальные соотношения (например, в химии), или и материальные и духовные вместе (в человеческом организме). Почему же, спрашивается, не может быть и соотношения духовного с духовным?

Правда, для нас, живущих в известных материальных условиях, это новое соотношение представляется если и не невозможным, то, во всяком случае, крайне непонятным. Однако непонятность для нас некоторого предмета или явления – слишком недостаточный мотив для его отрицания. Очевидно, выход за пределы умопостигаемого не означает еще выхода за границы возможного. «Выйти за пределы того, что мы называем природой, не значит выйти за пределы всякой среды. Природа, естественная среда, есть только часть всего, что нас окружает. Существует еще громадная область, действительная и естественная, хотя многие люди утверждают, что никак не соотносятся с ней. Мир умственный и нравственный неведом растению, но он действителен. Нельзя также утверждать, что он неестественен для растения, хотя можно сказать, что, с точки зрения растительного мира, он сверхъестественен.

Все естественно или сверхъестественно в зависимости от положения. Человек сверхъестественен для минерала. Бог сверхъестественен для человека. Когда минеральные вещества усваиваются растением и возводятся им до органического мира, никакого нарушения законов природы не происходит. Они просто входят в соотношения с более обширной средой, которая до тех пор была для них сверхъестественной, а теперь стала вполне естественной. Когда Животворящий Дух Божий охватывает сердце человека, опять нет никакого нарушения законов природы. Это только как бы новый переход, вроде перехода неорганического в органическое» (Друммонд, с. 120–121).

Повторяем, для человеческого духа гораздо естественнее находиться во взаимоотношении с духовной средой, чем с материальной. Масло не смешивается с водой, потому что их природы слишком различны, но зато стоит только соединить проводом две электрические батареи, как моментально начинается течение электрического тока. Человек добрых навыков будет чувствовать себя отвратительно в обществе людей противоположных этических принципов, и наоборот: дурному человеку будет не по себе в чуждом для него кружке людей. Что наиболее предмету свойственно, то наиболее для него и естественно.

«Соотношение во всех случаях есть дар среды. Естественная среда дает людям естественные их способности, духовная дарует им их духовные способности. Для духовной среды вполне естественно восполнять духовные способности, и это было бы вполне неестественно для естественной среды. Последнее противно и естественному закону биогенезиса, и нравственному закону, ибо конечное не может вместить бесконечного, и, наконец, духовному закону, в силу которого плоть и кровь не могут наследовать Царствия Божия (1 Кор. 15, 50)» (Друммонд, с. 121.).

Но и этого мало. Известны факты, когда организм вступал в соотношение с новой средой, не только не свойственной его природе, но даже совершенно чуждой. Если возможны новые соотношения с несвойственной материальному телу средой, то представляется решительно непонятным, почему новые соотношения с родственной средой невозможны для духовной материи, для человеческой души.

«Эволюционисты рассказывают нам, что под влиянием среды некоторые водяные животные приспособились к жизни на земле. В результате, нормально дыша жабрами, они, в награду за свои постоянные усилия, дышат небесным воздухом; усилиями, делаемыми из поколения в поколение, приобретает постепенно свойство дышать легкими. В молодом организме, согласно со старым типом, жабры все еще остаются, как, например, у головастика, но, по мере наступления зрелого возраста, появляются настоящие легкие. Жабры постепенно передают свою задачу органу более развитому, а сами атрофируются и исчезают, так что дыхание у взрослых совершается исключительно при помощи легких. Мы не утверждаем, что эти наблюдения вполне доказательны, но могут ли люди, признающие их достоверность, отрицать их аналогию с духовной жизнью и не признавать научности учения религии о преображении человеческой души?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.